

ЧЕЛОВЕК ДОЛЖЕН ОДЕВАТЬСЯ КРАСИВО

СТРАНА узнала о новом Постановлении Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР, наметившем широкие пути для подъема текстильной промышленности. Это еще одно проявление заботы партии и правительства о советских людях, еще один шаг на пути дальнейшего повышения жизненного уровня нашего народа.

Вчера наш корреспондент побывал в художественной мастерской комбината «Трехгорная мануфактура». Более двадцати художников работают здесь над созданием эскизов новых рисунков, которые завтра украсят тысячи метров добротной ткани. Знаменитая «Трехгорка» вырабатывает сейчас ежедневно три четверти миллиона метров этой ткани, и от художников во многом зависит, принесет ли людям она радость.

— Сделано нами, — говорит заведующая художественной мастерской Елена Павловна Шаповалова, — за последнее время немало, изменился и увеличился наш ассортимент, многие образцы заслужили добрую славу у наших покупателей. Ткани с нашими рисунками были от-

мечены почетным дипломом на Всемирной выставке в Брюсселе.

От наших художников старшего поколения и молодежи потребуются сейчас новые творческие усилия. Как букет, составленный из различных цветов, имеет определенный запах, хотя каждый цветок пахнет по-своему, так и в труде коллектива художников нашей мастерской складывается свой определенный стиль, несмотря на то что каждый мастер отличается своей индивидуальностью.

Много внимания уделяем мы творческому росту художников. Они побывали в разных республиках и краях Советского Союза. Для того, чтобы создать новые красивые ткани, работники мастерской знакомятся с народным искусством, изучают в музеях Киева, Минска, Ташкента, Самарканда, Риги, Таллина керамику, вышивку, ковры. Мы обращаемся к яркому орнаменту Узбекистана, к сдержанной и выразительности колорита народного искусства Латвии, Эстонии, Литвы.

Требовательный вкус нашего потребителя постоянно растет. Мы получаем много писем, и это помогает нам работать. Всякий новый рисунок, каким бы интересным он нам ни казался, обсуждается на художественном совете.

К сожалению, приходится признать, что существующая технология порой мешает достаточно точно и хорошо передать манеру и замысел художника. Нашим инженерам надо еще немало потрудиться над улучшением станков и машин. Многие завист и от торговых работников. Важно, чтобы они обладали хорошим вкусом, знали запросы покупателя.

От красоты и качества тканей в какой-то степени зависит и эстетическое воспитание советского народа. Ведь одежда, сделанная со вкусом, оказывает заметное влияние на общую культуру.

НАГРАДЫ ПИСАТЕЛЯМ

Лучшие произведения азербайджанской литературы переведены на многие языки народов СССР, изданы в зарубежных странах. В переводе книг азербайджанских авторов на русский язык активно участвуют известные столичные поэты и прозаики.

Указом Президиума Верховного Совета республики за многолетнюю плодотворную деятельность в области художественного перевода награждены Почетными грамотами Верховного Совета Азербайджанской ССР группа московских и ленинградских писателей — П. Антокольский, В. Васильевский, А. Ададис, Я. Смеляков, В. Потапова, К. Кудачинский и другие.

БАКУ. (Наш корр.)

ГЕРОИ НАШИХ КНИГ

«Для этого стоило прыгать с высот...»

Павел Иванович Буренин с сыном. Фото А. Князева.

В практике хирурга Буренина более срочного вызова еще не бывало. Его экстренно вызывали в Москву. За двести километров от его рабочего участка. В телеграмме сказано: «Капитану медицинской службы П. И. Буренину захватить с собой инструмент». На сборы отпущено всего полчаса. А через три часа он уже сидел в кабинете генерала.

— Вам придется совершить длинный и нелегкий путь, — говорил генерал. Он подал капитана к карте Арктики. — К нам за помощью обратились полярники. Этот остров нельзя назвать необитаемым — там живут двое. Но если вы не попадете туда завтра, в живых останется только один.

На маленькой зимовке, на Земле Бунге, жили только радист и метеоролог. Один из них — Виктор Беляков — погиб в результате несчастного случая. Его товарищ радист Константин Котельников поднял на ноги все порты Арктики. Но пока дойдет самый быстродвижущий корабль, не станет Белякова. Помощь должна прийти с воздуха. Но на скалистой Земле Бунге невозможно посадка — врач должен прыгать с парашютом. И вот начались поиски хирурга-парашютиста, который согласился бы на это. Все это рассказал Буренину начальник отдела полярной медицины Главного управления Севморпути Б. Шворин.

В практике хирурга, много работавшего в партизанских отрядах, бывали операции в самых неожиданных и тяжелых условиях. Но глазных операций Буренин не делал. А именно такая предстояла на Земле Бунге. Он сказал о своих сомнениях Шворину.

— Сколько у вас было прыжков?

— Двадцать три.

— А хирурга-офтальмолога, у которого был хотя бы один прыжок, я не нашел. Может быть, вы знаете такого?

Буренин улыбнулся:

— Нет, уж разрешите не искать, а лететь и прыгать завтра в двадцать четвертый раз.

...Так, почти четырнадцать лет спустя, воскресла эта давняя была в рассказе Павла Ивановича Буренина, теперь уже подполковника медицинской службы и кандидата медицинских наук, с которым я встретился несколько дней назад у него дома. Доктор Буренин не только отважный парашютист и искусный хирург. Ему посвятил С. Маршак свою повесть в стихах «Ледяной остров», которую он читал вскоре после совершенного Бурениным подвига.

Для этого стоило прыгать с высот

В седой океан, на изрезанный лед,

Куда не пройти пешеходу,

Куда не долетят пароходу,

Где лодки своей не причалят рыбака,

Не ждет самолетов посадочный знак,

Где даже упряжке полярных собак

В ясную погоду нет ходу.

Так писал поэт об острове, на который опустился капитан Буренин, чтобы спасти жизнь человеку.

— В тот далекий день у меня случилось немало происшествий, — рассказывает Буренин. — Три из них наверняка можно причислить к нелепым.

Вот как выглядели эти происшествия в рассказе Павла Ивановича.

Врач-парашютист, приземлившись к холодной металлической стене самолета

КОНФЕРЕНЦИЯ МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ ТАДЖИКИСТАНА

В Сталинабаде проходит республиканская конференция молодых писателей. В ней участвуют рабочие промышленных предприятий, колхозники, служащие, студенты и учащиеся. На твор-

ческое обсуждение представлено более сорока произведений прозы, сборников и отдельных циклов стихов.

Главное внимание литературной молодежи Таджикистана обращено на актуальные темы современности. Сегодняшнему дню посвящены поэтические произведения колхозного учителя из Курган-Тюбинского района Исмаиладзе, работница областного хороского театра Хайдаршо, рабочего Сталинабадского завода П. Усенко, повесть электрика из Перепадной ГЭС С. Праги и многих других.

В ИНДИЮ К ДРУЗЬЯМ

Вчера в Индию для участия во Всендийской конференции писателей вылетела советская делегация в составе Б. Полевого, Б. Кербабаева и кандидата филологических наук Е. Челышева.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 31-й № 152 (4118)

Суббота, 12 декабря 1959 г.

ЦЕНА 40 КОП.

«Всероссийскому съезду поэтов...»

Так адресовали молодые рабочие Металлического завода телеграмму участникам дискуссии «Поэты и современность», которая проходит сейчас в Ленинграде. «Пишите больше о молодежи, о нашем труде, — говорится в телеграмме. — Пишите так, чтобы ваши стихи и поэмы помогали нам учиться жить и работать по-коммунистически. Мы очень хотим встретиться с группой участников дискуссии у себя в молодежном общежитии...»

Текст этой телеграммы огласил председательствовавший Александр Прокофьев. Приглашение молодых рабочих было принято под дружные аплодисменты всего зала.

Для разговора о путях развития советской поэзии и ее месте в нашей жизни в Ленинград съехались поэты из Москвы, Хабаровска, Сталинграда, Челябинска, Смоленска, Ростова-на-Дону, Новосибирска, Горького, Уфы, Читы, Северного Кавказа, Карелии и других республик и областей Российской Федерации.

Интерес к дискуссии очень большой. Зал писательского клуба все время переполнен.

В первый день с трибуны дискуссии выступили Леонид Соболев, Лев Опанин, Аркадий Эльзевич, Михаил Дудин.

Участники дискуссии встретились со своими читателями в крупнейших дворцах культуры города. В зале филармонии выступили Н. Тихонов, П. Антокольский, М. Светлов, Я. Смеляков, М. Дудин, С. Васильев, Н. Доризо, Р. Казакова, Н. Рылленков.

В литературном вечере, состоявшемся в Невском дворце культуры, участвовали Л. Татьяничева, И. Авраменко, М. Лукин, К. Лисовский, Л. Хаустов, А. Чепуров, П. Кустов, Е. Евтушенко, А. Яшина, С. Викулов, Б. Кежун.

Большие литературные вечера состоялись также во Дворце культуры имени Горького и в клубе Адмиралтейского завода.

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.)

К ДИСКУССИИ «ПОЭТ И СОВРЕМЕННОСТЬ»

НЕ МОГУ СОГЛАСИТЬСЯ!

О ЧЕНЬ ОГОРЧИЛА меня статья Льва Ошанина, напечатанная в прошлом номере «Литературной газеты». Есть в ней верные замечания о Книготорге, о критике. Но ведь суть этой весьма пространной статьи в другом. Суть выражена в названии — «О «модных» именах и новаторстве». Что же это за модные имена и как Ошанин понимает новаторство?

«Модные» имена — это, по Ошанину, «репутации... искусственно раздуваемые шумом в прессе», в отличие от репутаций, «завоеванных многолетним трудом, большой читательской любовью». К таким «искусственно раздуваемым» и не подтвержденным «большой читательской любовью» Л. Ошанин относит прежде всего поэтическую репутацию Бориса Слуцкого. Он считает своим долгом, что называется, поставить Слуцкого на свое место. «А на самом деле? — пишет Ошанин о Слуцком. — На самом деле он автор двух небольших книг, в которых есть более интересные и менее интересные стихи».

Вряд ли найдется на свете книга стихов, о которой нельзя было бы сказать, что в ней есть стихи более интересные и менее интересные. И что значит это пренебрежительное: «автор двух небольших книг»? Как будто бы талант поэта, его место в литературе, весомость его поэзии хоть в какой-то мере определяются количеством выпущенных им книг или количеством стихов, вошедших в эти книги? Разве не лучше быть автором двух небольших и хороших книг, нежели автором десятка толстых и плохих?

«В захлывании и не в испрошении нуждается поэт Борис Слуцкий», — пишет Л. Ошанин, — «в спойкой, серьезном критическом разговоре». Вот что верно, то верно. Но вместо такого «спокойного критического разговора» Ошанин походит перечислять как «совсем слабые» новые стихи Слуцкого, напечатанные в «Знамени» и с непонятной горячностью, в который раз раз, обрушивается на маленькое шутливое стихотворение о физиках и лириках.

«То, что происходит с этим стихотворением, кажется мне постыдно удивительным. Как можно обрушиваться на эту шутку, на это подзаборное своей поэтической братии: «Ученые запустили ракету на Луну, ну а мы что?» Сами по любому поводу создаем шум вокруг Слуцкого, а потом уничтожить называем его «модным» поэтом. Если и есть «мода» на какого-то поэта, так это на Евтушенко. Немало стараний, чтобы стать модным, проявляет и сам поэт. Но это от молодости. Со временем он поймет, что серьезный художник не должен доверять эстраднему успеху.

Что касается стихотворения «Ракеты и телеги», то оно мне нравится своей остротой и направленностью, пафос его современен и современен:

Телегу обижать не надо — телега сделала свое, но часто — будь она неладна! — в искусстве вижу я ее. Гляжу я с грустью на коллегу и на его роман-телегу...

...Вы, кто телегам этим рады, — у вас тележный интеллект! Вам не ракет в искусстве надо — телег вам надобно, телег!

Искусство ваше и прилежно и в звания облачено, но все равно оно тележно и в век ракет обречено!

Разве это не правда? Разве можно мириться, когда в век ракет и завоевания космоса некий прозаик садится за стол и с ученической добросовестностью повторит запы старого романа?

что, что покушаются. Давно пора объявить беспощадную войну штампу. А Лев Ошанин, выступая против новаторства в области поэтической формы, в сущности, пытается отстоять право поэта на штамп.

В современной поэзии меня радует большое разнообразие поэтических формаций и огорчает, что не все они известны широкому читателю. Чтобы выразить народность советской поэзии, обычно называют в первую очередь только два имени: Твардовский — Исаковский. Эта инерция сказалась даже в недавней статье Николая Асеева, что тоже меня огорчило. Твардовский и Исаковский достойны, чтобы их называли, но ведь в сельском крыле русского стиха есть и такой соловей-разбойник, как Александр Прокофьев. Называют и его, но реже. Спрашивается, почему? Мы сами причаем читателя к непониманию охвата поэтического хозяйства. Пегас Александра Прокофьева не обормотен соломой и сеном, он не волочит своего живота по земле, его строка не охает по-стариковски на печке, она звенит, как туго натянутая тетива:

Зарожала, нет — затрепетала...

Сколько темперамента в этой словесной поправке!

Прокофьев в своей лирике подымается до мглистых образов, в которых слышится глубина раздумий. Подобно пушкинскому «И пусть у гробового входа», он нашел удивительные краски, когда заговорил на «вечную» тему:

Но явится день, чтобы ты згрустила, — Мне молния в душу блеснет! Умру я, а солнце, что в сердце гостило, На дальние клены вспорхнет.

Они только дронут зеленой листою, А там, где закаты горят, Над быстрой водою, над горькой травой Еще веселей зашумят...

Веселый шум жизни над горькой травой! Как это глубоко сказано и сколько безстрашия в этих словах.

Возможности русского стиха с сельским происхождением не исчерпываются и Прокофьевым. Прочтите, по возможности, полное Павла Дружинина. Вы увидите, что после таких природных песенников, как Исаковский и Про-

кофьев, Дружинин добавляет свежую струю тоже глубоко русской, но своей, особенной песенности:

Зима беда. Вдали В поля безбрежные Плынут, как корабли, Сугробы снежные.

Глубоко дыхание этих коротких строк! Это ямб. Но он звучит совершенно по-новому. Радость труда и жизни расправляет поэта Павла Дружинина:

Брякали ведерники, Звякали топорики, Стукали бондарники, Гаркали дегтярники.

Благодарное, жизнерадостное читательское «ау» должно откликнуться на эти энергичные стихи, на эти рабочие слова, которых не знала дворянская поэзия и которые пришли в стихи с революцией.

И не огорчительно ли сообщить, что ни одно издательство еще не удостоилось издать одноименный Павла Дружинина, который, несмотря на свои семьдесят лет, еще трудится и пишет.

Совсем недавно у меня была студентка Литературного института Ольга Фокина. Она уроженка Архангельской области. Я люблю ее стихотворение:

Лес да лес, а за лесом что? Море ли? Горы ли? Грусть да грусть, а за грустью что? Радость ли? Горе ли?

Это не поэма, но упоминать поэтов — как же безгранично богата наша поэзия своими возможностями. Сколько еще открытий может быть сделано поэтами, которые не копируют, а создают. Среди прочитанных Ольгой Фокиной стихотворений одно было явно ученическое и подражательное. Когда я ей заметил, что она скопировала «Коробейников» Некрасова, девушка стала

Зарисовки Виктора КОНОВАЛОВА

Италия и итальянцы

Есть в книге Карло Леви о Советском Союзе несколько строк, которые помогают представить себе Италию наших дней. Писатель вспоминает романтическую мечту прошлого века о стране, где цветут апельсиновые рощи, где сверкают черные очи мадонн. «Сколько голубого и теплого счастья, сколько солнца там, за этими хребтами...» Но Леви, поэт итальянского юга, обездоленного и полного надежды, видит не черные очи мадонн, а черное от гнева лицо старой крестьянки из сицилийской деревни Шиара, слышит «чуждый плач матери» над трупом сына, убитого за то, что в своей деревне он возлагал братков.

Передовое искусство послевоенных лет беспощадно срывает покровы «туристских мифов», разрушает стандарты туристских представлений об Италии, противопоставляя ладной и порой сладчайшей красавице подлинную красоту своего жизнелюбивого народа, своей мужественной страны.

Об Италии наших дней дают представление публикуемые сегодня рисунки художника В. Коновалова.

Венеция. Большой канал.

Встреча с читателями

На конференции читателей «Литературной газеты», состоявшейся в Минском Дворце культуры Совета профсоюзов, встретились с читателями заместитель главного редактора газеты В. Косолапов, собственный корреспондент по Белоруссии Вл. Дудинов, а также большая группа московских и минских писателей, активных авторов газеты.

Заместитель председателя правления Союза писателей БССР И. Шамякин, критик Г. Березин, рабочий Тракторного завода А. Выгодский, член комитета комсомола Автозавода Я. Карповский, заведующая библиотекой Дворца культуры Совета профсоюзов Н. Брошкина и другие сделали ценные замечания по освещению газетой ряда важнейших вопросов. Были высказаны пожелания о более широком освещении национальных литератур, об издании литературных приложений и газет.

Тепло встреченные читателями, московские и минские поэты М. Аврамчик, В. Берестов, В. Боков, Г. Бородин, А. Велюгин, А. Волынский, С. Горшковский, Ю. Друнина, А. Заричий прочитали свои новые стихи.

Состоялась также встреча сотрудников и авторского актива «Литературной газеты» со студентами Белорусского государственного университета.

МИНСК. (Наш корр.)

Рига. За Тибром.

Утром на рисинской улице.

ВЕСНОЙ этого года нашей локомотивной бригаде было присвоено звание бригады коммунистического труда.

О БРИГАДАХ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ТРУДА... Он считает даже, что стволы бы установили порядком, когда лучшим из соревнувшихся сначала на какое-то время присуждалось бы звание кандидата в бригады коммунистического труда.

Но нашей бригаде обидно не повезло. Назвали ее коммунистической, а потом прочно о ней забыли. И вот сейчас, когда мы пишем это письмо, у нас в дело ползает растерянность. Дело в том, что за последнее время в организации труда машинистов произошли изменения. Локомотивные бригады не закрепляются больше за одним электровозом, его обслуживают разные машинисты.

Нельзя допускать, чтобы высокие это звание превращалось в своего рода переходящий вымпел, который можно легко давать и с такой же легкостью отбирать в течение каких-нибудь нескольких месяцев. А ведь порой так и происходит.

Как же организовать соревнование в новых изменившихся условиях? На этот вопрос мы не можем получить ответа. Присваивая нам высокое звание, руководители профсоюза работников железнодорожного транспорта очень горячо приветствовали нас, жали руки, посылали поздравительные письма. А сегодня, когда нам так нужны участие и деловой совет, работники Дорпрофсожа Куйбышевской железной дороги словно в воду канули.

Присвоение какому-либо коллективу звания «коммунистический» обычно обставляется торжественно. Но если через один-три месяца бригада не оправдывает доверия, то, по установившемуся сейчас порядку, ее не лишают звания, а просто при очередном поведении итогов не присваивают его повторно. Тихо и незаметно бригада опять переходит в разряд борющихся за звание. А по-нашему, это ведь чрезвычайное происшествие, собрание тут даже нужнее и шум нужнее. Крепко, по-рабочему надо ругать тех, кто яркую цель превращает в безответственную игру.

Конечно, мы работаем не ради званий, даже самых высоких. Но в новом соревновании людей как раз и поднимает то, что коммунизм стал в нем сегодняшним, практическим делом. Ударник коммунистического труда — это не только хороший производитель, это человек, который больше других подготовил себя, чтобы жить в новом обществе, строящемся в нашей стране. И больно видеть, когда спешкой или недомыслием порочат это светлое дело.

Присвоение какому-либо коллективу звания «коммунистический» обычно обставляется торжественно. Но если через один-три месяца бригада не оправдывает доверия, то, по установившемуся сейчас порядку, ее не лишают звания, а просто при очередном поведении итогов не присваивают его повторно. Тихо и незаметно бригада опять переходит в разряд борющихся за звание. А по-нашему, это ведь чрезвычайное происшествие, собрание тут даже нужнее и шум нужнее. Крепко, по-рабочему надо ругать тех, кто яркую цель превращает в безответственную игру.

К сожалению, мы наблюдаем немало примеров, когда в нашей Куйбышевской области высокое звание присваивается наспех. Кто-то из руководителей будто стремится щегольнуть перед другими количеством «именитых» передовиков. И не потому ли бывают случаи, что в бригаде, которую только что назвали коммунистической, уже в следующем квартале обнаруживаются производственные срывы, совершаются аморальные поступки?

Присвоение какому-либо коллективу звания «коммунистический» обычно обставляется торжественно. Но если через один-три месяца бригада не оправдывает доверия, то, по установившемуся сейчас порядку, ее не лишают звания, а просто при очередном поведении итогов не присваивают его повторно. Тихо и незаметно бригада опять переходит в разряд борющихся за звание. А по-нашему, это ведь чрезвычайное происшествие, собрание тут даже нужнее и шум нужнее. Крепко, по-рабочему надо ругать тех, кто яркую цель превращает в безответственную игру.

Замечательный пример действительно коммунистического труда показал автоматно-токарный цех четвертого Куйбышевского подшипникового завода. Уже много лет в цехе обходится без контролеров ОТК. А ведь по масштабам производства там должно быть не менее трехсот контролеров. Нет в цехе и кладовщиков. Сам изготовил продукцию, сам ее тщательно проверил, подпечатал — и сам же выписывает себе «ордерок в кассу».

Присвоение какому-либо коллективу звания «коммунистический» обычно обставляется торжественно. Но если через один-три месяца бригада не оправдывает доверия, то, по установившемуся сейчас порядку, ее не лишают звания, а просто при очередном поведении итогов не присваивают его повторно. Тихо и незаметно бригада опять переходит в разряд борющихся за звание. А по-нашему, это ведь чрезвычайное происшествие, собрание тут даже нужнее и шум нужнее. Крепко, по-рабочему надо ругать тех, кто яркую цель превращает в безответственную игру.

Рабочим, по существу, доверено самим брать зарплату из кассы. Это, если можно так выразиться, «педагогическая поэма» на производстве, которую творят, ведя за собой остальных, передовые люди коллектива.

Присвоение какому-либо коллективу звания «коммунистический» обычно обставляется торжественно. Но если через один-три месяца бригада не оправдывает доверия, то, по установившемуся сейчас порядку, ее не лишают звания, а просто при очередном поведении итогов не присваивают его повторно. Тихо и незаметно бригада опять переходит в разряд борющихся за звание. А по-нашему, это ведь чрезвычайное происшествие, собрание тут даже нужнее и шум нужнее. Крепко, по-рабочему надо ругать тех, кто яркую цель превращает в безответственную игру.

Сейчас подшипниковцы соревнуются за звание цеха коммунистического труда. Но на заводе не спешат присвоить им это звание. Недавно начальники этого цеха Виктор Георгиевич Ловкин заявил, что для них — это программа работы, может

Присвоение какому-либо коллективу звания «коммунистический» обычно обставляется торжественно. Но если через один-три месяца бригада не оправдывает доверия, то, по установившемуся сейчас порядку, ее не лишают звания, а просто при очередном поведении итогов не присваивают его повторно. Тихо и незаметно бригада опять переходит в разряд борющихся за звание. А по-нашему, это ведь чрезвычайное происшествие, собрание тут даже нужнее и шум нужнее. Крепко, по-рабочему надо ругать тех, кто яркую цель превращает в безответственную игру.

В. КАРПОВ, старший машинист, бригадир бригады коммунистического труда, Я. БЕКЕТОВ, машинист, Д. КОРМИШИН, машинист, В. ДМИТРИЕВ, помощник машиниста.

Присвоение какому-либо коллективу звания «коммунистический» обычно обставляется торжественно. Но если через один-три месяца бригада не оправдывает доверия, то, по установившемуся сейчас порядку, ее не лишают звания, а просто при очередном поведении итогов не присваивают его повторно. Тихо и незаметно бригада опять переходит в разряд борющихся за звание. А по-нашему, это ведь чрезвычайное происшествие, собрание тут даже нужнее и шум нужнее. Крепко, по-рабочему надо ругать тех, кто яркую цель превращает в безответственную игру.

ДИСКУССИЯ О СОВРЕМЕННОМ СОВЕТСКОМ РОМАНЕ

Институт мировой литературы имени А. М. Горького и секретариат Союза писателей СССР проводят 15-16 декабря в конференц-зале ИМЛИ (улица Воровского, 25-а) дискуссию, посвященную современному советскому роману.

Присвоение какому-либо коллективу звания «коммунистический» обычно обставляется торжественно. Но если через один-три месяца бригада не оправдывает доверия, то, по установившемуся сейчас порядку, ее не лишают звания, а просто при очередном поведении итогов не присваивают его повторно. Тихо и незаметно бригада опять переходит в разряд борющихся за звание. А по-нашему, это ведь чрезвычайное происшествие, собрание тут даже нужнее и шум нужнее. Крепко, по-рабочему надо ругать тех, кто яркую цель превращает в безответственную игру.

Василий Смирнов

Открытие мира

Известные читатели первой и второй книги повести «Открытие мира» Василия Смирнова рассуждают о русской деревне в предположительные годы. В центре повествования — деревенский парнишка Шурика, который открывает мир за днем окружающей его мир, полный большого горя и маленького счастья, мира и света.

Присвоение какому-либо коллективу звания «коммунистический» обычно обставляется торжественно. Но если через один-три месяца бригада не оправдывает доверия, то, по установившемуся сейчас порядку, ее не лишают звания, а просто при очередном поведении итогов не присваивают его повторно. Тихо и незаметно бригада опять переходит в разряд борющихся за звание. А по-нашему, это ведь чрезвычайное происшествие, собрание тут даже нужнее и шум нужнее. Крепко, по-рабочему надо ругать тех, кто яркую цель превращает в безответственную игру.

Присвоение какому-либо коллективу звания «коммунистический» обычно обставляется торжественно. Но если через один-три месяца бригада не оправдывает доверия, то, по установившемуся сейчас порядку, ее не лишают звания, а просто при очередном поведении итогов не присваивают его повторно. Тихо и незаметно бригада опять переходит в разряд борющихся за звание. А по-нашему, это ведь чрезвычайное происшествие, собрание тут даже нужнее и шум нужнее. Крепко, по-рабочему надо ругать тех, кто яркую цель превращает в безответственную игру.

НАЧАЛО ТРЕТЬЕЙ КНИГИ

В ДЕКАБРЕ столько навалило снега, всюду выросли такие белые, невозможные большие, до застрех, сугробы, что Растрепа каталась на салазках прямо с крыши своей избы, как с горы, и не падала. Снег на крыше был пестрый, с сажой и уголькамиazole возле трубы. Мороз крепко схватил его вместе с гнилой соломой, сквал в настоящий лед — хоть катался на коньках. И Шурика отлично попробовал здесь самодельный деревянный конек с жестяным ободком, прикрученный с помощью палки и веревки намертво к старому отцову валенку, а Олег Духотоловий, не утерпев, похвастался новыми, почти что серебряными «снегурками». Снежная с крыши лавочка не устояла на ногах. Яшка Петух буднично без загоройдил ему дорогу козлу, пошел, Духотоловий грохнулся и раскисил себе нос.

Присвоение какому-либо коллективу звания «коммунистический» обычно обставляется торжественно. Но если через один-три месяца бригада не оправдывает доверия, то, по установившемуся сейчас порядку, ее не лишают звания, а просто при очередном поведении итогов не присваивают его повторно. Тихо и незаметно бригада опять переходит в разряд борющихся за звание. А по-нашему, это ведь чрезвычайное происшествие, собрание тут даже нужнее и шум нужнее. Крепко, по-рабочему надо ругать тех, кто яркую цель превращает в безответственную игру.

Присвоение какому-либо коллективу звания «коммунистический» обычно обставляется торжественно. Но если через один-три месяца бригада не оправдывает доверия, то, по установившемуся сейчас порядку, ее не лишают звания, а просто при очередном поведении итогов не присваивают его повторно. Тихо и незаметно бригада опять переходит в разряд борющихся за звание. А по-нашему, это ведь чрезвычайное происшествие, собрание тут даже нужнее и шум нужнее. Крепко, по-рабочему надо ругать тех, кто яркую цель превращает в безответственную игру.

Присвоение какому-либо коллективу звания «коммунистический» обычно обставляется торжественно. Но если через один-три месяца бригада не оправдывает доверия, то, по установившемуся сейчас порядку, ее не лишают звания, а просто при очередном поведении итогов не присваивают его повторно. Тихо и незаметно бригада опять переходит в разряд борющихся за звание. А по-нашему, это ведь чрезвычайное происшествие, собрание тут даже нужнее и шум нужнее. Крепко, по-рабочему надо ругать тех, кто яркую цель превращает в безответственную игру.

Присвоение какому-либо коллективу звания «коммунистический» обычно обставляется торжественно. Но если через один-три месяца бригада не оправдывает доверия, то, по установившемуся сейчас порядку, ее не лишают звания, а просто при очередном поведении итогов не присваивают его повторно. Тихо и незаметно бригада опять переходит в разряд борющихся за звание. А по-нашему, это ведь чрезвычайное происшествие, собрание тут даже нужнее и шум нужнее. Крепко, по-рабочему надо ругать тех, кто яркую цель превращает в безответственную игру.

Присвоение какому-либо коллективу звания «коммунистический» обычно обставляется торжественно. Но если через один-три месяца бригада не оправдывает доверия, то, по установившемуся сейчас порядку, ее не лишают звания, а просто при очередном поведении итогов не присваивают его повторно. Тихо и незаметно бригада опять переходит в разряд борющихся за звание. А по-нашему, это ведь чрезвычайное происшествие, собрание тут даже нужнее и шум нужнее. Крепко, по-рабочему надо ругать тех, кто яркую цель превращает в безответственную игру.

КОГДА мы говорим, что наша страна шагами великана идет к коммунизму, мы чаще всего имеем в виду строительство гигантских индустриальных объектов, атомных электростанций, космических ракет, спутники и космические ракеты.

НА СЛУШАЕТСЯ ДЕЛО... НА СУД СОВЕСТИ

Илья СЕЛЬВИНСКИЙ... В другой раз гражданин М. сказал Нине: — Я развелся с женой оттого, что обожаю детей, а детей у нас не было.

Если б я был уверен, что буду иметь ребенка от тебя, я бы на тебе женился. Если б я был уверен, что буду иметь ребенка от тебя, я бы на тебе женился.

Простите, — скажут нам, — оно отсутствует на вполне законном основании. Есть в юриспруденции такое понятие: corpus delicti («состав преступления»).

Среди самых сложных и неисповедимых путей в жизни человеческой Эклизиаст называет путь мужчины к женщине. Философ сравнивает его с путем корабля в море или змея на скале.

Но эти поэтические образы могут вызвать лишь ироническую усмешку на устах гражданина М. — для него путь к женщине не таит в себе никаких загадок. Легкомысленно разведясь с женой, он тут же приемом шахматной «вилки» пополнил сразу двух девушек.

Я не стал бы вторгаться в эту глубоко интимную историю гражданина М., если б не одно обстоятельство, выходящее за пределы его личной жизни. Если извлечь из архива нарцуда 10-го участка Ждановского района дело № 101/80-59 «О насильственной смерти Н. Юмашевой» и проштудировать его самым тщательным образом, то перед нами, казалось бы, совершенно ясная картина: Юмашева Нина, 22-х лет, член чехового комитета ВЛКСМ одного из московских заводов, погибла от аборта, произведенного в антисанитар-

ных условиях. Главный виновник ее гибели — врач А. Гришнина, уже судившаяся в свое время за незаконное производство абортов. Соучастники преступления — бабка Степаныха, Попова и Подьяблонская, которые связали Н. Юмашеву с Гришиной и предостерегли ее для аборта свое жилище.

Все эти лица понесли заслуженное наказание сообразно со своей долей вины. Постановление суда скреплено подписями и номерами, а дело ввиду его полной ясности и абсолютной законности сдано в архив. К чему бы, кажется, снова вытаскивать эту летопись на свет божий? А к тому, что нас интересует один вопрос: почему в этом документе отсутствует имя гражданина М.?

— Простите, — скажут нам, — оно отсутствует на вполне законном основании. Есть в юриспруденции такое понятие: corpus delicti («состав преступления»).

Жизнь — вещь необычайно сложная; самое разработанное уголовное наказание не в состоянии предусмотреть всех изгибов действительности, поэтому преступлением принято называть только то, что предусмотрено уголовным кодексом.

Тут помог случай: на завод поступило заявление ОРУДА том, что гражданин М. в пьяном виде мчался по городу «с ветерком» на своей малолитражной машине. К тому же выяснилось, что запасные части для своей машины М. втихую добывал на своем же заводе. Дело о его поступках должно было разбираться на товарищеском суде. Предпринятый молодой человек явился к Нине Юмашевой, развернул картину страшного суда в завкоме и умолял Нину согласиться на аборт, ибо два ребенка от двух женщин в данной ситуации могли сделать суд роковым. Нина любила гражданина М. и покорилась. Однако аборт, по мнению гражданина М., следовало совершить тайно, чтобы об этом не проведали заводские подружки Нины. Нина пошла и на это. Так появилась бабка Степаныха, за бабкой — Гришнина.

Но тут новое препятствие: цена аборта — 300 рублей, а у гражданина М. случайно денег не оказалось... Пришлось Нине собрать нужную сумму «по этапам».

25 ноября 1958 года Юмашева отправилась к Гришнине. Аборт был сделан неудачно — большую тут же следовало госпитализировать. Но гражданин М., боясь огласки, уговорил Нину снова обратиться к Гришнине. Гришнина пыталась отделиться порошками. Порошки не помогли: у Нины началось общее заражение крови.

29 ноября Юмашеву пришлось отправить в больницу. В этот день явился к ней гражданин М. — надо полагать, с яблоками и малиновым морсом, — но застал у постели дежурящих при ней девушек с завода. Это молодому человеку не понравилось: девушки знали его в лицо. Чтобы избежать подобных встреч в дальнейшем, М. объявил Нине, что больше приходить к ней, и сожаление, не может, так как боится сплетни. Юмашева, которая хоть и поздно, но разглядела теперь подлека в натуральную величину, ответила, что он вправе поступать, как ему угодно, только бы отдавал ее подругам деньги, занятые для аборта.

5 января 1959 года Нина Юмашева умерла. Кто же ответит мне на вопрос: почему в деле № 101/80 нет и следа деятельности гражданина М.? Я прекрасно понимаю, что в действиях этого субъекта состава преступления нет, он не совершил аборта, он не предоставлял для операции своей квартиры, даже деньги на аборт давал не он! (Так до сих пор и не отдали он их подружкам Нины — улик нет!) Но разве, суди по совести, не он истинный виновник смерти Нины Юмашевой? Разве доля вины Степаныхи и Гришнине может сравниться с его льви-

ной долей? Найдется ли в нашей стране хоть один человек, который не заклеймил бы М. как преступника? — Что же вы хотите от М. сейчас? — Не знаю, не думаю. Мне просто хочется выкрикнуть свою боль от того, что Нина Юмашева лежит в могиле, а гражданин М. ходит по земле в целостности и сохранности. И я раскрябываю буквы «М». Наше общество легко восслабляется, когда видит вопиющую подлость. А каждый шаг, каждый жест, каждая мыслька гражданина М. до предела насыщены выисковой нирозостью. Назови я его, — и он подвернется такой ярости окружающих, что, пожалуй, не выдержит при всей малолитражности своей душони. Но, не называя фамилии гражданина М., я требую одного: перемините, гражданин, хотя бы имя! Такому, как вы, называться «Владленом» — по меньшей мере кощунство.

3. Не бог с ним, с этим человечком. Не он в конце концов главная проблема в деле № 101/80. Вопрос о гражданине М. связан с вопросом о заводской среде, в которой разразилась эта трагическая история. Коллентив завода привлек М. к товарищескому суду. Но что именно вменялось ему в вину? Пункт «а»: езда на машине в пьяном виде и пункт «б»: кража на заводе запасных частей. А как же дело Юмашевой? А Юмашева в деле М. не фигурирует, как не фигурирует М. в деле Юмашевой. Парадоксально, но факт!

В чем же, однако, дело? Знал ли завод о шапках этого доджунга? Да, знал. Известно ли было о причине смерти Юмашевой? Да, известно. Тут-то мы и подходим к самому главному: коллектив осудил преступника только за то, что тот нарушил статью закона. Закон запрещает ездить в машине пьяному, — осудим. Закон не велит тайно уносить вещи с завода, — осудим. Но в законе нет статьи, наравной просто за подлость человеческую, — и товарищеский суд заводского коллектива... обошел эту сторону дела. А между тем именно этим он и должен был заняться.

В развтом коммунистическом обществе тюрем не будет. Не будет и уголовного кодекса. Все случаи станут объектом исследования той группы коммунаров, в которой работает нарушитель. На трибуну подымутся потомки слесаря Немича, матроса Груббе, студента Гидалева, чтобы судить по голосу коммунистической совести. Этот суд будет настолько же выше суда 18-го года, насколько коммунистическое общество выше общества начала революции. Но люди эти возмнут на себя не только ответственность судей: коллектив, общество станут предупреждать самую возможность преступления, как могли бы это сделать товарищи Юмашевой, которые хорошо видели, что за птица гражданин М.

Но мы не можем дожидаться будущего сложа руки. Наш народ находится на подступах к коммунизму, и мы уже сегодня должны создавать не только экономический, но и его моральную атмосферу. Организуя товарищеские суды, наш народ, правительство заглядывая в завтрашний день. В самом деле: с каждым новым этапом нашего движения вперед роль официального суда будет сужаться, а роль товарищеского — расширяться. И это не просто замена одного юридического установления другим: это грань коммунистического быта. А он важнее для человечества любого научного открытия и технического изобретения, ибо воплощает в себе мечту всех времен.

Будем же достойны той цели, к которой все мы так страстно устремлены. Не надо стараться быть меньше того, какими хочет нас видеть партия. Мы — новаторы, то есть люди завтрашнего дня, работающие в сегодняшнем! В этом — основная сложность нашей жизни, но в этом же и ее величие, которое ко многому нас обязывает.

Это, очевидно, римская виа Маргутта, ставшая легендарной улицей художников. «Здесь за чашкой кофе и бесконечными разговорами жизнь художников проходит в ожидании — в ожидании случая, в ожидании денег, в ожидании девушки, в ожидании дня, когда состариться», — пишет об этой улице неполохо знающий Рим западногерманский романист Вольфганг Келлен.

его не очень современному виду, специально в угоду иностранцам сохраняется «дух» XIX века. Такие кафе встречаются на «американской» виа Венето. Эта улица примечательна для Рима наших дней. Она чем-то похожа на огромный голливудский павильон, построенный для съемки цветного фильма «из итальянской жизни». Впрочем, виа Венето не экстерриториальна. Иногда сюда заходят итальянцы, вроде этого маленького певца, либо просто зеваки, желающие поглазеть на этот кусочек долларовой царства, на массивные корпуса американского посольства, на сверкающие стекла дорогих отелей и пансионатов, где богатые, но простоватые туристы за огромные деньги кормят имитацией завтраков.

Жили были две подружки — Нина и Светлана. Обе очень нравились гражданину М. Что тут плохого? Гражданин М. стал ухаживать за обеими. И тут нет большой беды. Гражданин М. начал ухаживать за обеими, но так, чтобы каждая из них думала, будто она для него единственная. Гм... Неслишком благородно, и все-таки еще не преступление.

Однажды гражданин М. сказал Светлане: — Я развелся с женой оттого, что обожаю детей, а детей у нас не было. Если б я был уверен, что буду иметь ребенка от тебя, я бы на тебе женился.

И немому было развеселить народ, подразнить и утешить. Мир, который недавно поворачивался, открывался Шурике самой главной и сильной, самой справедливой своей стороной, этот мир будто остановился, не поворачивался больше и никуда не двигался.

Мужики не заглядывали, как прежде, на огонек в кузницу-слесарню Вани Духа, хотя железный гром не умолял на пустыре и замороженное оное избушки светилось с позднего зимнего утра до раннего вечера. Нечего стало делать мужикам в кузнице, потому что у торна, в жарких отблесках, стоял с рождения не Прохор с белой молнией-улыбкой на лице, с голубыми, синими и умями хвалатами, котрым не было цены, с кашлем, питевскими новостями, прибаутками, песнями, в кожаном, негнущемся, с прожженными дырками фартуке, а топтался и сопел медведем Кириха Косоротый со станции, в равном, грязном полушубке и железнодорожной засаленной фуражке, со страшным своим ртом, свернувшимся на сторону, как говорил баба, с детства, переманенный за хлеб и картошку Тихоновым из железнодорожной мастерской.

Все произошло внезапно. Прохор вернулся из больницы как будто здоровым, даже кашлять перестал, все собрался каждый день ехать в Питер, помогать своей Выборгской бабоставшей стороне давать паразитов, и не мог уехать — мешали заказы. Вана Дух нахватал их за осень порядочно и требовал, чтобы Прохор работал или платил неустойку, раз бросает дело, грозил судом. Питерский посмеивался, не вылезал из кузницы, точно старался напоследок побольше и получше наковать дыновик, и вдруг свалился на крыльце у Вани Духа, идя из кузницы завтракать.

Его перенесли в избу, и он помолодел и порохорел на лавке, под образами, лицо его словно порозовело, морщины разгладились, а между протиртышек, как бы улыбающихся губ навсегда застыли белой молнией сахарные мелкие зубы. Шурика потом слышал от баб, что, когда Прохора, еще теплого, клали под образа, у него из-под века, с плотно сжатых ресниц скатились две слезинки, и бабка Ольга, которую Тихонов пригласил обмыть и прибрать покойника, крестясь сказала шепотом, что это свет вышел из глаз.

Ведь вот, подхватывая бабы, догадались же кто-то утопить Гришку Распуту, а на его благоверного хозяина Кольку, кроповицу, и проруби в реке, должно, нуту... Наливов, сволочи, жалее, а бычков, ягнят не жалко, отвалили-таки земству целую прорву, да и не земству, не фронту, демон знает кому. И пуда мяса на позицию не дойдет, по дороге все сокрут разные благодиродия и пресвосотидельства. Храбрились, храбрились Аниши-воины, да начальство и покорились, не пиннули. Правильно Оси Бешеный тогда баял, ровно в зеркало какое глядел: приехал из города в другой раз — и без стражников забрали скотину, сколько пожелали, с вашего согласия, дьяволы. Вам бы току на печи бока греть да рыбку ловить, да то языком...

Это было так и не так. Правда, что мужики почему-то уступили земству, пожалели солдат на позиции, раздобрылись, сложились и собрали с села бычков и ягнят для фронта, а телок не позволили тронуть, — мамкина Умница спасла. Но неправда, что мужики покорились начальству. Нет, они не покорились и не собирались этого делать. Напротив, они злоблились, пролинали теперь не отного царя и начальство, но и самих себя, тот день, когда родились на муку, готовы были подохнуть, когда хочешь, но не помняраи, чего-то, казалось, ждали и не могли дожидаться, терпенье у них опять лопалось, как тогда, когда приезжало начальство за коровами.

И немому было развеселить народ, подразнить и утешить. Мир, который недавно поворачивался, открывался Шурике самой главной и сильной, самой справедливой своей стороной, этот мир будто остановился, не поворачивался больше и никуда не двигался.

Мужики не заглядывали, как прежде, на огонек в кузницу-слесарню Вани Духа, хотя железный гром не умолял на пустыре и замороженное оное избушки светилось с позднего зимнего утра до раннего вечера. Нечего стало делать мужикам в кузнице, потому что у торна, в жарких отблесках, стоял с рождения не Прохор с белой молнией-улыбкой на лице, с голубыми, синими и умями хвалатами, котрым не было цены, с кашлем, питевскими новостями, прибаутками, песнями, в кожаном, негнущемся, с прожженными дырками фартуке, а топтался и сопел медведем Кириха Косоротый со станции, в равном, грязном полушубке и железнодорожной засаленной фуражке, со страшным своим ртом, свернувшимся на сторону, как говорил баба, с детства, переманенный за хлеб и картошку Тихоновым из железнодорожной мастерской.

Все произошло внезапно. Прохор вернулся из больницы как будто здоровым, даже кашлять перестал, все собрался каждый день ехать в Питер, помогать своей Выборгской бабоставшей стороне давать паразитов, и не мог уехать — мешали заказы. Вана Дух нахватал их за осень порядочно и требовал, чтобы Прохор работал или платил неустойку, раз бросает дело, грозил судом. Питерский посмеивался, не вылезал из кузницы, точно старался напоследок побольше и получше наковать дыновик, и вдруг свалился на крыльце у Вани Духа, идя из кузницы завтракать.

Прохор лежал в гробу в серой, подпоясанной ремешком питевской блузе, в которой работал в кузнице, в тех же брюках и штблелтах с новыми колпашами. Тихонов, толкаясь среди народа на кухне, не раз повторял во всеулышание, что срядили они покойника, дай бог каждому, ничего не утаили, в наследство себе не оставили: в чем жил горемыка, в том и в могилу пойдеть. Все чистое, выстирано с мылом, как из магазина... А должок с покойника, видно, на том свете надо спрашивать. Ну, за богом не пропадет... да нескорю получится.

На вынос к избе Вани Духа собралось не только сельские мужики и бабы, пришла и некоторые из Глебова, Паркова, Хохловки, Жаросова — со всей округы, будто везде там жили сродники Прохора. Даже Шуриин бог Григорий Евгеньевич, учитель, заглянул на минутку к Тихоновым, постоял, понащав в кучи, потом проводил гроб до церкви.

Холодно и ярко светило низкое снежное солнце. Оранжевыми столбами поднимался дым над завьюженными крышами, голубыми от пронзившего их света. Искрился и сухо шуршал под ногами тонкий наст. Воздух, полный стеклянно-невесомых, как бы плавающих игл инея, беззвучно, ослепительно горел и остро и сладко покалывал горло.

Мужики без шапок, с ушами, завязанными от холода шарфами и бабыми платками, молча несли селом открытый гроб на полотноцах, а с паперти до горы — на руках. Все были торжественно-задумчивые, одетые в праздничные шубы и полушубки, в новые валенки, разговаривали тихо и кратко, как бы не желая нарушать торжественное безмолвие морозного ясного дня. И самым торжественным и безмолвным было лицо питевщика, выглядывавшее из гроба, с белого марлевого изголовья, когда мужиком приходилось спускаться и подниматься по сугробам проселка, что вел к церкви. Лицо покойника розовато светилось на зимнем солнышке, как живое, довольно, словно Прохор стоял в кузне у жарного горна с кувалдой, примериваясь ковать дыновки. У Шурика стучало сердце, как кувалда, в ушах звенело и гудело, и все это заглушал насмешливый, убежденно-твердый и ясный голос Прохора:

— Кто работаает — тот и человек, кто пузо греет — скотина...

Светло глядели на народ, на Прохора и на Шурку могучие кладбищенские березы, густо осыпанные тяжелым серебром, под которым гнулись ветви. Пахло в морозном чистом воздухе ладаном. Бирюзой мерцали нетронутые, как бы нарисованные на снегу, чуть приметные, но частые бугорки могил. Там и сям косо торчали из снега железные и деревянные кресты. Если бы не они, не гроб, не запах ладана, можно было подумать, что собрался народ в светлом березовом лесу на поляне, как в масленицу, на круг, на праздничное гулянье.

Когда опускали в красноватую глубокую яму гроб, сбивый из старых свежеструганных списов досок, и бабы, по обычаю, завыли и запричитали, а мужики, перекрестясь, бросив по горсти земли, наделили шапки и разматывали

Светло глядели на народ, на Прохора и на Шурку могучие кладбищенские березы, густо осыпанные тяжелым серебром, под которым гнулись ветви. Пахло в морозном чистом воздухе ладаном. Бирюзой мерцали нетронутые, как бы нарисованные на снегу, чуть приметные, но частые бугорки могил. Там и сям косо торчали из снега железные и деревянные кресты. Если бы не они, не гроб, не запах ладана, можно было подумать, что собрался народ в светлом березовом лесу на поляне, как в масленицу, на круг, на праздничное гулянье.

Когда опускали в красноватую глубокую яму гроб, сбивый из старых свежеструганных списов досок, и бабы, по обычаю, завыли и запричитали, а мужики, перекрестясь, бросив по горсти земли, наделили шапки и разматывали

Светло глядели на народ, на Прохора и на Шурку могучие кладбищенские березы, густо осыпанные тяжелым серебром, под которым гнулись ветви. Пахло в морозном чистом воздухе ладаном. Бирюзой мерцали нетронутые, как бы нарисованные на снегу, чуть приметные, но частые бугорки могил. Там и сям косо торчали из снега железные и деревянные кресты. Если бы не они, не гроб, не запах ладана, можно было подумать, что собрался народ в светлом березовом лесу на поляне, как в масленицу, на круг, на праздничное гулянье.

Когда опускали в красноватую глубокую яму гроб, сбивый из старых свежеструганных списов досок, и бабы, по обычаю, завыли и запричитали, а мужики, перекрестясь, бросив по горсти земли, наделили шапки и разматывали

Светло глядели на народ, на Прохора и на Шурку могучие кладбищенские березы, густо осыпанные тяжелым серебром, под которым гнулись ветви. Пахло в морозном чистом воздухе ладаном. Бирюзой мерцали нетронутые, как бы нарисованные на снегу, чуть приметные, но частые бугорки могил. Там и сям косо торчали из снега железные и деревянные кресты. Если бы не они, не гроб, не запах ладана, можно было подумать, что собрался народ в светлом березовом лесу на поляне, как в масленицу, на круг, на праздничное гулянье.

Когда опускали в красноватую глубокую яму гроб, сбивый из старых свежеструганных списов досок, и бабы, по обычаю, завыли и запричитали, а мужики, перекрестясь,

У карты советской поэзии

Литва — республика поэтов

Я недавно впервые побывал в Литве. У меня такое впечатление, будто я гостил у родной сестры, живущей в Прибалтике.

НЕ МОГУ СОГЛАСИТЬСЯ!

(Юнчане. Начало на 1-й стр.) защищаться, что все размеры русской поэзии, дескать, тоже старые.

Корабли плывут, Будто в Индию... (Есенин) Метрическая основа всех трех строф — одна, но ритмический рисунок у каждого свой.

Светит месяц, лучи врозь, Коль не любишь, лучше брось! Или: Мои волосы раскрытые Осудит ветерок...

Перед рассветом Кому не взгрустнется: Он уезжает, Она остается. Голос все тихе, И тише, и тише...

Горько Горько! Не легкая игра. За что? За горку Накором серебра!

Каждому, имеющему дело с поэтическим творчеством, должно быть ясно из этих примеров, сколько еще неиспользованных возможностей таят в себе рифмы.

Размер — это общая жизнь стиха, а ритм — индивидуальная. Ямб Пушкина не похож на ямб Лермонтова, ямб Некрасова не похож на ямб Есенина...

Теперь о рифме. И. Денисова в статье «Одна рифма — это еще не поэзия» утверждает, что новизна рифмы зависит не от нее самой, а от других компонентов стиха.

Массовые тиражи поэзии закреплены за несколькими именами, а такие замечательные художники, как Д. Кедрин, Л. Мартынов, Н. Заболоцкий, все еще мало известны широко читающей публике.

Красным полумесяцем Заря вспыхнула; По лицу земли Туман стелется... (Кольцов)

Я по берегу иду, По берегу сплываю, И люблю, а ты не любишь, Это, милый, почему?

Наша советская аудитория, я бы сказала, наделяема довольно широкой вкусом, так давайте бескорыстно, влюбленно, всеми имеющимися у нас средствами пропагандировать все имеющееся у нас поэтическое богатство!

платки и шарфы. Никита Аладын, кидая лопатки мерзлые комья, негромко сказал: — Потерпились, брат... А говорил — живи дольше, чтобы пользы было больше...

ТОТ ДЕНЬ Шурка так и не поздоровался с отцом. Этого не пришлось делать, потому что все вышло как-то удивительно: будто они и не расставались.

туловню и длинные лиловые руки, вылезавшие из рукавов, косясь на высокие скользящие ступени крыльца, с возрастающим ужасом и жалостью думал, что мамке не донести оттада до сенокоса и ему, Шурке, не хватит духу помочь...

Возвращаясь с кладбища, дымя цигарками, мужчины громко и много говорили, что несмотря на прикаты на рождество в усадьбу барыня с детками, глядя, скоро и сам господин генерал явится, прибежит, улетающая с позиции от германцев...

Тот день Шурка так и не поздоровался с отцом. Этого не пришлось делать, потому что все вышло как-то удивительно: будто они и не расставались.

История была так проста, так очевидна, что Шурка даже не сомневался, что когда-нибудь придет к нему и все объяснит.

Шли медленно, не расхотели долго по домам, ругались и чего-то как будто ожидали. Ребята, конечно, соображали: все ждали поминков, потому и у Прохора помалкивали, чтобы не подумал Тихонов, что направиваются. Но Ваня Дух, пожимая плечами, не позвал мужиков на поминки по своему «компаньюну».

«Не поносить больше тятеньку питевских сапог с лакированными бутылочными голенищами... и в лес за белины не походить, как прежде, в старых сапогах, в которых вода играет гармонью...»

«Где же отец-то?» — строго сердито спросила бабушка. — Где же отец-то? — строго сердито спросила бабушка.

Все же удачники приносили домой в хороший час парочку-другую налимов, а Осг. Бешеный, как водится, и на полмиски таскал, без счета. Катенька была научилась с бескорызией топить масло из налимовых печеночек.

Он тихонько, счастливо заснул, и от слез ему стало теплее. Но мутило его по-прежнему, что с отцом надо здороваться, целоваться, он не знал, но так решил и чувствовал. И все это его пугало, и, главное, было стыдно и неловко, словно он, Шурка, виноват, что отец остался без ног.

«Где же отец-то?» — строго сердито спросила бабушка. — Где же отец-то? — строго сердито спросила бабушка.

Эдуардас МЕЖЕЛАЙТИС

У ПОДНОЖИЯ ЗВЕЗД

Мои мысли, словно птицы, поднялись, С каждым днем быстрее их движенье, Звездным преодолели высь И земные победили притяженья.

Вырвался В бескрайние просторы. Мои мысли раз и навсегда Между звезд высоких гнезда свила, Но грустят, бывает, иногда И в тоске заламывают крылья.

Я смотрю на наших звезд огни, Это мы отправили в полет их, Не на землю падают они, Ярче разгораются в высотах.

На земле далекой все средни, Бесконечно дорог день вчерашний! Тихо опускаются они, Чтоб идти за трактором по пааше.

Или: Мои волосы раскрытые Осудит ветерок, За замену тебя, миленький, Осудит весь народ.

Отдыхают ночью меж ветвей, Чтобы утром к звездам устремиться, Снятся сны им на земле своей, Отдыхают мои мысли-птицы...

Журналы в декабре

«ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРЫ» В разделе «На современные темы» публикуются статьи: А. Караганова «Жизненные позиции писателя», С. Шугут «Душа героя» и Б. Ляпунова «Фантастика и жизнь».

РЕПЕРИКИ «В СЕМЬЕ НЕ БЕЗ УРОДА»

Маленькая комедия о большом плагиате Сцена в милиции. За столом сидит начальник отделения. Рядом стоит дежурный по телефону. В руках у него протокол.

да что же тебя там сделал? Где твои ноженки режьте? Ой, бедола! Какая навалилась, ни обмыть, ни обмыть тебе ее тепличка, люточка! Лучшие бы мне, старухе безоговолаво, век свой без рук, без ног дожить, чем тебе, красавец ты мой писанный, сиднем сидеть... Ни походить, ни попользаться, наюска!

18 АВГУСТА «Литературная газета» помещает статью, резко критикующую так называемое американское отношение к Марку Твену и мое, недавно вышедшее в свет, издание «Автобиографии» Марка Твена.

В статье «отношение официальной Америки к своему величайшему писателю» характеризуется словами: «его стараются забыть». По-моему, нельзя прощать подобное заявление без гримасы отвращения. Суть в том, что «официальная» Америка правильно делает, «забывая» о Марке Твене, ибо наши читатели задали бы жару чиновникам, если бы те попробовали вмешаться и заставить нас вспомнить или забыть какого-либо писателя.

И официальная, и неофициальная Америка, которые весьма далеки от того, чтобы забыть Марка Твена, как раз сейчас переживают новую вспышку интереса к писателю. Одной из больших удач прошлого театрального сезона в Нью-Йорке было выступление молодого актера Хала Холбрука в роли Марка Твена с чтецом произведений писателя. Сейчас Хал Холбрук разговаривает с этой программой по стране. В одном из последних номеров чрезвычайно популярного журнала «Лайф» опубликована статья, посвященная Холбруку и Твену.

Следующий пункт, выдвигаемый статьей, это то, что, когда «официальной» Америке приходится обращать внимание на Марка Твена, она делает все возможное, чтобы заглушить его социальную сатиру и «загримировать» его под благодушного и недалекого зубоскаля. Русскому автору удивительным образом удалось подметить некую политическую механику, о которой ни один американец даже и не подозревает. Каким это образом «официальная» Америка достигает тут своей цели — через библиотеку конгресса? Через Белый дом? Через Верховный суд? Через Государственный департамент? Или через ФБР? Я уверен, что американские издатели, — а издателем может стать всякий, кто располагает необходимыми средствами: для этого не требуется ни разрешений, ни каких-либо взысков, ни экзаменов, — с большим интересом узнали бы, что их — вот куда! — подвергают контролю и заставляют что-то замалчивать.

Далее статья обвиняет моих предшественников по изданию «Автобиографии» Марка Твена в том, что, следуя этой «официальной» линии, они принимали «предосторожности» в виде «глушащих редакторских комментариев» или других каких-либо средств. Однако автор поспешно не упоминает о том, что известно каждому, кто изучает Марка Твена. Первый издатели «Автобиографии» Эдберт Вилсон Шейн, друг Марка Твена и его душеприказчик по литературному наследству, в том, что касалось «Автобиографии», рабски следовал требованиям самого Марка Твена и никоим образом не предпринимал соображений «глушащих редакторских комментариев». С другой стороны, Бернард Де Вото, второй редактор «Автобиографии», выпуская свое издание, нарушил собственные предписания Марка Твена и сделал это по просьбе и с одобрения наследника Марка Твена. И также нарушил распоряжения Марка Твена, содержащиеся в его рукописях. Таким образом, если вникнуть в историю «Автобиографии», становится известной публике, то только Марка Твена, который сам хотел именно этого. Автор статьи также не упоминает о том, что, отнюдь не собираясь ничего замалчивать, Де Вото спокойно опубликовал «политические» высказывания примерно 35-летней давности: нападки на Теодора Рузвельта, генерала Вуда, сенатора Кларка и др.

Теперь о моем собственном издании. Мистер Березницкий пишет: «Чарльз Найдера в 1959 году предосторожности его предшественника показали недостаточными, и он без излишних церемоний решил попросту «загнуть Твену глотку», вымарав из своего издания все упомянутые выше записи. Превосходный итальянец раздражает и даже оскорбляет преувеличенное восхищение серединами Неаполя, разговоры о кинороде, который всегда поет, и изумленные восторги по поводу отдельных музыкальных и пейзажных красот, сотни раз описанных, зарисованных, воспетых, тысячу раз заснятых... Их на пяти языках рекламирует через мегафоны делового вида гдди, ведущие за собой стайки шумных таксидесов или конфертицев. Названия штата золотыми буквами вышито по краям пирамки-пилотки туриста, а обилие фальшивых драгоценностей изобличает американское происхождение дам в большей степени, чем узкие брюки и темные очки. Кста-ти, брюки для дам и «шорты» (корот-

«Мы не совершаем преступления против Марка Твена»

Найдера, составителя нового издания пренебрежительного отношения к общественно-критической стороне творчества великого писателя. В ноябре с. г. Чарльз Найдера послал на имя Н. С. Хрущева письмо с просьбой предоставить ему возможность выступить на страницах «Литературной газеты» с возражением Я. Березницкому. Конечно, Ч. Найдера мог бы обратиться и непосредственно в «Литературную газету». Но это его дело.

Мы публикуем присланную нам статью Ч. Найдера и ответ Я. Березницкому. Согласно моим намерениям, этот том предназначается широкому читателю, а не ученому исследователю. Материал отобран из всей рукописи автобиографии как из опубликованных, так и неопубликованных ее частей (в ней есть еще неопубликованные разделы). Я надеялся, что смогу отобрать все пренебрежительные места книги, освободив их от грубо устаревших, скучных, тривиальных и газетных кусков. Наконец, я старался сосредоточить внимание не на высказываниях каких-то мнений и не на взятых с чужих слов воспоминаниях, а преимущественно на действительно автобиографических материалах, материалах чисто литературных и наиболее характерных выражениях твенского юмора. Для меня Марк Твен, по сути своей, великий выдумщик, а вовсе не великий мастер политических высказываний. Причина, по которой я опустил его нападки на политиков, в том, что я считал эти места скучными и устаревшими. Кроме того, всякий, кто хочет взглянуть на них, может с легкостью это сделать, обратившись к предшествующим изданиям «Автобиографии», так же как и к различным изданиям его произведений. Более того, для читателей моего издания я привел содержание предыдущих, так что их можно сравнить и отметить, что именно мною выпущено. Я включил в мое издание от тридцати

до сорока тысяч слов, до сих пор никогда не публиковавшихся. Мистер Березницкий отнесся к ним с пренебрежением, однако они более характерны для Марка Твена, чем его политические высказывания, и факт заключается в том, что благодаря моим стараниям теперь они получили распространение среди широкой публики, а не покоятся в ящиках в библиотеке, где они доступны только специалистам.

Наконец, мистер Березницкий пишет: «Видно, сбывается горькое пророчество, высказанное Твеном в самый разгар работы над «Автобиографией» в письме к Уильяму Хоуэлсу». Затем он цитирует письмо. Я хотел бы снова привести эту цитату потому, что это поможет пролить свет на критические приемы мистера Березницкого. «Завтра я намерен продиктовать главу, которая вставит моих наследников и современников гореть заживо, если они осмелятся печатать ее до 2006 года, чего, я полагаю, они не сделают. Если я проживу еще 3 или 4 года, таких глав будет множество. Когда появится издание 2006 года, оно произведет переполох. Я буду гулять вокруг с моими приятелями-мертвецами и наблюдать. Приглашаю и вас». Это письмо относится к первой из пяти глав, продиктованных Марком Твеном на тему о религии. На титульных листах двух из этих глав рукой Марка Твена написано: «Не показывать никому до издания в 2006 году. С. М. К.» Значение этого ясно. В письме к Хоуэлсу Твен допускает, что его наследники и современники опубликуют эти главы спустя столетие, но в своих собственных рукописях он определенно запретил своим наследникам и современникам публиковать эти главы раньше, чем через 500 лет.

Очень прискорбно, что чувство ответственности, присущее ученому, не побуждает мистера Березницкого сообщить своим читателям, что в моем предисловии содержится все приведенные выше сведения и что он цитирует только письмо. Если бы он был честен со своими читателями, ему не так легко было бы изобразить «официальной» американца как источник «замалчивания» Марка Твена. И ему не так легко было бы устроить избиение Де Вото и особенно меня, поскольку мы оба сознательно нарушили предписания великого писателя, веря, что этим мы оказываем услугу читателям и в то же время не совершаем преступления против памяти Марка Твена.

Чарльз НАЙДЕРА

Вопрос значительно глубже

Лайонел Триллинг улыбался, как я уже упоминал, в 1948 году. Мне не известно, продолжал ли он улыбаться в следующем, 1949 году, когда соответствующими «властями» было вычеркнуто из списка литературы, разрешенной для чтения в учебных заведениях города Нью-Йорка, другое произведение Твена — «Янки при дворе короля Артура». А еще год или два спустя запрета все того же «Гекльберри Финна» требовал не кто иной, как покойный ныне сенатор Маккарти. Когда же в 1957 году Совет префекции Нью-Йорка вычеркнул книгу о Гекке из числа разрешенных для чтения в начальных и средних школах города, улыбка на лице мистера Триллинга, вполне возможно, перешла даже в ту самую «гримасу отвращения», с которой Вы, по Вашим словам, читали мою статью. Кстати, с каким именно выражением лица смотрели Вы два года тому назад телевизионную версию «Гекка Финна», в которой, как утверждают газеты, бедняга Джим был вымаран из числа действующих лиц? Те же газеты писали, помнится, что благодаря этому было создано «полностью белое развлечение». Надеюсь, что кинофильм «Гекльберри Финн», о съемках которого я с удовольствием узнал из Вашего письма, не будет похож на своего телевизионного предшественника.

Вы могли бы, правда, улыбнуться и заявить, что все эти факты имели место до упомянутой Вами «вспышки» и что не стоит размахивать дохлами котками, предоставляя заниматься этим Тому и Гекку. Но вот передо мной сентябрьский номер английского журнала «Букс энд букмен». Он вышел в свет через шесть месяцев после опубликования Вашей книги и через месяц после моей статьи, то есть, по-видимому, уже во время «вспышки». На тридцать второй странице под общим заголовком «Запрещенные» («Banned») я, к своему изумлению отогрону, увидел название шедевра Твена в странном соседстве с «Любовником леди Чаттерли» и творениями Генри Миллера. Белого Гекка снова — в который раз! — не допустили в Нью-Йоркские школы.

Основные Ваши возражения, насколько я понимаю, сводятся к моему недостаточному, на Ваш взгляд, почтительному отношению к той работе, которая была проделана Вами как редактором третьего издания «Автобиографии» Марка Твена. Нет, работу Вы проделали большую, я бы даже сказал, трудную и по своему вполне успешно с ней справился: в Вашем издании Твен действительно выглядит так, как Вы пытаетесь его представить. А пытаетесь Вы его представить «великим выдумщиком» (из Вашего письма) или мастером «наездоты» (из Вашего предисловия). Но так ли подлинный Твен? Попро- бую вспомнить, что говорил по этому поводу он сам. Вам эта цитата, несомненно, хорошо известна: я выписываю ее из Вашего издания его «Автобиографии».

«...В течение тех сорока лет, что я разыгрывал перед публикой профессионального юмориста, я был в одной компании с семьюдесятью восемью другими американскими юмористами... Почему уже безвремено скончались? Потому, что они были только юмористами (здесь и в дальнейшем в цитатах подчеркиваю мною. — Я. Б.). А «только» юмористы недоговорены... Я всегда поучал. Вот причина, по которой я продержался тридцать лет. Если юмор появлялся сам собою, неприглашенным, я давал ему место в моих поучениях, но я не писал поучений ради самого юмора».

Почтения (sermon), о которых пишет Твен, и есть то, что составляет общественное содержание его творчества. Оно, это содержание, неотделимо от юмора так же, как юмор неотделим от него. А Вы рассекаете творчество Твена на тему о религии. На титульных листах двух из этих глав рукой Марка Твена написано: «Не показывать никому до издания в 2006 году. С. М. К.» Значение этого ясно. В письме к Хоуэлсу Твен допускает, что его наследники и современники опубликуют эти главы спустя столетие, но в своих собственных рукописях он определенно запретил своим наследникам и современникам публиковать эти главы раньше, чем через 500 лет.

Очень прискорбно, что чувство ответственности, присущее ученому, не побуждает мистера Березницкого сообщить своим читателям, что в моем предисловии содержится все приведенные выше сведения и что он цитирует только письмо. Если бы он был честен со своими читателями, ему не так легко было бы изобразить «официальной» американца как источник «замалчивания» Марка Твена. И ему не так легко было бы устроить избиение Де Вото и особенно меня, поскольку мы оба сознательно нарушили предписания великого писателя, веря, что этим мы оказываем услугу читателям и в то же время не совершаем преступления против памяти Марка Твена.

Чарльз НАЙДЕРА

Жерар Филип в костюме Сиды.

Жерару Филипу, этому замечательному молодому человеку с волнующим взглядом, благородным обликом, человеку, вобравшему в себя всю красоту молодости, ее гордость и великую простоту, свойственную ее самым выдающимся представителям, было 37 лет.

Чудесный актер, один из лучших, если не самый лучший актер своего поколения, он превосходно чувствовал себя в ролях наиболее сложных, наиболее трудных. За актером стоял настоящий человек, боец за мир, мужественный и энергичный, председатель Союза актеров Франции, деятельный и скромный. Его карьера была беспрерывной. Как в кино, так и в театре на каждой исполненной им роли — след его интерпретации. А теперь эти роли трудно представить себе в исполнении, не учитывающем его опыт.

Он родился в Канне. Детство и юность провел на Лазурном берегу. 1940 год — первый год оккупации — привел на Лазурный берег кучку киноработников-беженцев. Жерар Филип в то время учился в Институте права в Ницце, но горел желанием работать в театре. Он поделился своими мечтами с режиссером Марком Аллерге, который посоветовал ему поступить на местные театральные курсы. «Там, — говорил позднее Жерар Филип, — я вновь открыл для себя классиков, освобожденных от школярских пыток».

Два года позднее он дебютировал в Канне и в том же году впервые снялся в фильме. 1943 год был годом его первого появления на парижской сцене в роли ангела в «Содоме и Гоморре» Жана Жироу. Критика приветствовала его дебют как выдающееся событие театрального года. 1945 год стал решающим годом в его жизни. После участия в театральной постановке «Калигулы» Альбера Камю и работы в кино, где он с успехом снимался в «Идиоте» по роману Достоевского и в фильме «Дьявол во плоти», он стал уже признанным артистом.

Участие в последнем фильме принесло ему «большую международную премию за лучшее исполнение мужской роли за 1947 год». Немного раньше, в 1945 году, во время отпусков, который он проводил в Пиренеях, Жерар Филип познакомился с научным работником Ани Фуркад, которая в 1951 году стала его женой. Кино и театр вошли в его жизнь на равных правах. Удивительно работоспособный, преданный делу, он был воплощением благородства, неутомимым тружеником, на редкость требовательным к себе.

Его участие в «Сиде» постоянно сопровождалось триумфальным успехом, после каждого спектакля его вызвали 12—15 раз. И вдруг он отказался от исполнения этой роли. «Боль больше не соответствует моему возрасту, — говорил он, — я уже не гожусь для нее». Жерар Филип не принадлежал к числу исполнительств, которые не умеют вовремя остановиться и решения которых часто неустойчивы. Он больше не играл Сиду, подавая тем самым чудесный пример серьезности и ответственности, хотя сам он по-прежнему оставался воплощением молодости. Напряженную творческую работу в театре и кино Жерар Филип совмещал с активной деятельностью в движении борцов за мир. Он неустанно работал также в Союзе актеров Франции, входящем во Всеобщую конфедерацию труда, председателем которого он долгое время был. Режиссер Клод Отан-Лара, председатель Национальной федерации театров, говорил о Жераре Филипе: «Он не только превосходный актер, которого мы все любим. Больше всего я ценю в нем то, что он остался человеком, простым, сердечным, который принес свое личное объяснение и весь свой огромный авторитет в борьбу за улучшение условий труда, условий жизни всех своих товарищей — актеров, больших и малых». Жерар Филип был сильно переутомлен. Все об этом знали. Он был болен уже несколько месяцев, но скрывал от всех тяжесть своего состояния со свойственной ему скромностью и деликатностью. Когда он вернулся из Мексики, где под руководством Луи Бунолья снимался в своем последнем фильме, говорили, что он болен эмбейной дизентерией. Но по словам мадам Сюзанны Флон, замечательной актрисы, которая тогда играла вместе с ним, Жерар Филип еще два месяца тому назад знал, что болен смертельно. «Сколько бы ни говорили о его человеческих достоинствах, нет угрозы жизни в преувеличении», — подчеркивает Сюзанна Флон. — В действительности он умер от рака печени, но он тщательно скрывал от всех свой недуг. Он покоился на смертном одре в костюме Сиды: одежда из черного бархата, белый камзол, пурпуровая накидка. Не тронутый, перед домом, где usually моросил мелкий серый дождь, стояли безмолвно и неподвижно тысячи парижан. Плакала небо, плакали сердца. Я никогда не забуду того, как в Москве незнакомые люди пожимали мне руку и с грустью проносили только одно слово — «Фанфан-Тюльпан». А в киосках французские газеты покупали даже те, кто не знал языка, — они хотели сохранить на память последнюю фотографию Жерара Филипа.

Жерар Филип — НАШ ОБЩИЙ ДРУГ

Редакция «Литературной газеты» получила ряд писем от читателей с просьбой рассказать о жизни и творческом пути недавно скончавшегося выдающегося французского актера Жерара Филипа. В своих письмах в газету читатели выражают глубокое сожаление по поводу безвременной кончины талантливого артиста, игра которого восхищала советских зрителей во многих виденных ими французских кинофильмах.

Мы публикуем ежедневную написанную для нашей газеты статью французского журналиста Жан-Пьера Сальтана о Жераре Филипе.

СМЕРТЬ всегда приходит неожиданно, но мысли о смерти Фанфана-Тюльпана вообще нельзя было допустить. Я не могу заставить себя поверить в смерть юности, — Фанфан-Тюльпан бессмертен.

Жерару Филипу, этому замечательному молодому человеку с волнующим взглядом, благородным обликом, человеку, вобравшему в себя всю красоту молодости, ее гордость и великую простоту, свойственную ее самым выдающимся представителям, было 37 лет.

Чудесный актер, один из лучших, если не самый лучший актер своего поколения, он превосходно чувствовал себя в ролях наиболее сложных, наиболее трудных. За актером стоял настоящий человек, боец за мир, мужественный и энергичный, председатель Союза актеров Франции, деятельный и скромный. Его карьера была беспрерывной. Как в кино, так и в театре на каждой исполненной им роли — след его интерпретации. А теперь эти роли трудно представить себе в исполнении, не учитывающем его опыт.

Он родился в Канне. Детство и юность провел на Лазурном берегу. 1940 год — первый год оккупации — привел на Лазурный берег кучку киноработников-беженцев. Жерар Филип в то время учился в Институте права в Ницце, но горел желанием работать в театре. Он поделился своими мечтами с режиссером Марком Аллерге, который посоветовал ему поступить на местные театральные курсы. «Там, — говорил позднее Жерар Филип, — я вновь открыл для себя классиков, освобожденных от школярских пыток».

Два года позднее он дебютировал в Канне и в том же году впервые снялся в фильме. 1943 год был годом его первого появления на парижской сцене в роли ангела в «Содоме и Гоморре» Жана Жироу. Критика приветствовала его дебют как выдающееся событие театрального года. 1945 год стал решающим годом в его жизни. После участия в театральной постановке «Калигулы» Альбера Камю и работы в кино, где он с успехом снимался в «Идиоте» по роману Достоевского и в фильме «Дьявол во плоти», он стал уже признанным артистом.

Участие в последнем фильме принесло ему «большую международную премию за лучшее исполнение мужской роли за 1947 год». Немного раньше, в 1945 году, во время отпусков, который он проводил в Пиренеях, Жерар Филип познакомился с научным работником Ани Фуркад, которая в 1951 году стала его женой. Кино и театр вошли в его жизнь на равных правах. Удивительно работоспособный, преданный делу, он был воплощением благородства, неутомимым тружеником, на редкость требовательным к себе.

Жан-Пьер САЛЬТАН